

Б.Г. Ивановский

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ – КУРС НА ВЫЖИВАНИЕ

Необходимость модернизации экономики в России уже ни у кого давно не вызывает сомнения. Это единственный путь для долгосрочного роста, развития и конкурентоспособности страны в мире. Однако переход от слов к делу в значительной степени упирается в отсутствие единой стратегии реализации этого процесса.

Стратегия модернизации: Отсутствие единого подхода

Политическая элита, экономисты и представители бизнеса не могут прийти к единому мнению практически по всем основным вопросам: кто должен предлагать проекты (власти или бизнес), где взять на них деньги, как совмещать создание промышленных мощностей и инновационной системы, нужно ли сначала копировать западный опыт или же придумывать с чистого листа и т.д. Освещению различных подходов к решению ключевых вопросов модернизации посвящен этот обзор.

Развитие модернизации в ту или иную сторону зависит от того, что станет с тремя ключевыми явлениями индустриальной волны – государством, капитализмом и демократией. Все три явления, как считают авторы, питались грандиозной энергией глобального урбанизационно-индустриального перехода (9). И все три явления сегодня испытывают нарастающее давление из-за того, что питающая их энергия иссякает.

Так, государство, как институт, теряет и финансовую опору, и лояльность элит, и идеиную поддержку масс. Капитализм, как двигатель экономического роста, испытывает нарастающие затруднения. Недостаток новых рынков и дешевого сырья, повышение трудовых и экологических издержек, увеличение в долгосроч-

ной перспективе налогового давления, резкий подъем стоимости технологических инноваций – все указывает на серьезный кризис капиталистической миросистемы.

Капитализм всегда функционировал благодаря и интенсивным, и экстенсивным механизмам роста. Но потенциал интенсивного (шумпетерианского) развития капитализма всегда зависел от экстенсивного расширения вовне – возможности вовлечь в оборот новые источники дешевого сырья, новые источники дешевой рабочей силы, новые рынки сбыта (все это очень облегчало работу предпринимателей-инноваторов). Но теперь вовне расширяться практически некуда. По крайней мере затраты на это расширение возрастают, а отдача снижается.

Демократия, как система политической самоорганизации общества, подвергается нарастающим перегрузкам в силу указанных проблем государства и капитализма. Современная демократия – это свобода выбора в рамках довольно жестко заданного коридора, ширина которого определяется соглашением элит и размером общественного пирога.

Политические системы развитых стран все более фрагментируются. Межклассовые конфликты, сформировавшие и сцементировавшие национальные политические системы и партии, утратили свою остроту. Политическую повестку дня все больше определяют вопросы культуры, религии, экологии (9).

Демократический уклад подрывается и идейным вакуумом, который возник из-за общего разочарования в основных политических доктринах. Обещания всеобщего благополучия и социального прогресса, которые давал либерализм, оказались лишь обещаниями.

Таким образом, выбор модернизационной политики для России, по мнению П. Яковлева (22), затрудняется общей неясностью целей и ориентиров. Понятно, что борьба развернется и вокруг сохранения наиболее эффективных институтов и механизмов индустриального общества (тех же государства, капитализма и демократии). Те народы, которые найдут способ органичным для себя образом адаптироваться к новым условиям, и будут лидерами новой волны развития. Те же, кто этого сделать не сможет, с высокой вероятностью окажутся в аутсайдерах.

Для того чтобы показать возможные пути модернизации авторы разделяют их на три блока: модернизации революционные, органичные и догоняющие.

Про революционные модернизации все более или менее понятно. Разница между модернизацией догоняющей и органичной

как раз и состоит в роли государства. В сценарии органичного развития вариативность развития и общая гибкость системы выше. Тогда как в догоняющей модернизации решающая роль государства повышает вероятность ошибки в выборе «единственно правильного направления развития», а также вероятность перенапряжения сил, повышает системные риски, особенно на фазе сокращения темпов роста и выхода системы из стадии форсированного роста. Требуется государство – старший партнер, а не государство-командир (9).

Так, например, послевоенная модернизация и Японии, и Южной Кореи была догоняющей (они следовали американскому примеру и в американском фарватере). Но разница, по мнению авторов, в том, что в Японии бизнес был более самостоятелен по сравнению с Кореей, где он фактически создавался и жестко патронировался правительством.

Весь 2009 год прошел под знаком развивающегося кризиса. Лишь за пару месяцев перед наступлением 2010 г. появились пусть слабые, но вселяющие надежду приметы того, что уж в 2010 г. все наладится. Но, как известно, кризис – это не только экономическая депрессия, падение уровня производства, снижение цены национальной валюты. Кризис – это еще и новые возможности. И возможностями, которые открыл кризис 2009 г., полностью воспользовался Китай, превратившись, пусть номинально, во вторую сверхдержаву мира. В своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент Д. Медведев провозгласил курс на модернизацию. Сможет ли Китай стать для России примером успешной модели модернизации?

Если же говорить об уроках, полученных во время кризиса, то именно благодаря кризису дискуссии о модернизации в России идут так активно, отмечает У. Бранденбург (23). Все большее число российских граждан начало понимать, что страна не может и дальше полностью зависеть от доходов нефтегазового сектора. И возможно, это также может стать отправной точкой для пересмотра экономических связей между Россией и европейскими странами.

При этом, по мнению Т. Шевякова, модернизация сверху – принуждение к инновациям – неэффективно. До тех пор, пока люди не поймут собственной потребности в модернизации, в масштабах всей страны о ней не может быть и речи (5).

Проведение модернизации, по мнению Д. Медведева, будет опираться на демократические институты – но в нашей стране нет

такого опыта, потому что предыдущие модернизации были тоталитарными, утверждает В. Фадеев (5). Но это не означает, что мы должны вне зависимости от целей продолжать лихорадочную либерализацию непонятно чего. Модернизация будет требовать дальнейшего развития демократических институтов.

Постановка вопроса очень жестка – либо модернизация, либо прозябанье и в конечном счете растворение страны в пространстве других, более сильных держав.

У Д. Медведева ничего получиться не может, потому что модернизацию надо начинать с изменения политической системы, демонтажа коррумпированной путинской вертикали, отмены цензуры, «басманного» правосудия, фальсификаций на выборах, считает Б. Немцов (5).

Определяя модернизацию экономики и общества как системный процесс, О. Сухарев признает низкий уровень эффективности российской общественной системы (если изменений требуют практически все общественные подсистемы одновременно, то в наличии системный кризис общества), низкий уровень жизни населения, дисфункция системы управления. Однако внесистемная постановка и отсутствие уточнения содержания такой модернизации, как и отсутствие ее плана, подрывают возможность достижения необходимых результатов, и, следовательно, правильность понимания содержания модернизации (16).

Применительно к решению задач модернизации общественной системы, которые несравненно шире, нежели аспекты экономической модернизации, учитывающие социальную и экологическую компоненты развития, автор формулирует принципы которые, по его мнению, демонстрируют комплексность и сложность, а также долгосрочный характер задач, стоящих перед российским обществом:

1. В интересах чисто материального благосостояния необходимо максимально широкое развитие нравственности и особенно честности во всеобъемлющем значении этого слова.

2. Лишь единовременное развитие образования и улучшение нравственности и честности может значительно поднять всю настоящую культуру.

3. Ни одна из добродетелей, создающих наибольшие богатства в стране, не имеет такого значения, как честность (исполнение обещания, уважение к чужой собственности, чужим правам, существующим законам и нравственным правилам).

Очень важной проблемой модернизации общества является исходное качественное состояние системы, ее способность менять собственные пропорции и готовность агентов к таким изменениям. Достаточно ли ресурсов, энергии и способностей людей осуществлять масштабные изменения? Низкий нравственный становится тормозом развития, главным препятствием реализации различных правительственные программ и инновационной экономики.

С другой стороны, сокращение разрыва в уровнях доходов различных категорий граждан способствует стимулированию экономического роста и модернизации экономики, отмечает А. Шевяков (5).

Разумное неравенство в доходах положительно коррелирует с экономическим ростом и даже стимулирует его. Однако чрезмерный разрыв в уровне заработной платы, производит обратное действие – снижает рождаемость и увеличивает смертность.

Низкий уровень доходов может вызвать возникновение так называемой «социально-экономической ударной волны», порождающей такие отрицательные явления, как низкая самооценка, социально-психологическая напряженность, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на уровень рождаемости и оказывают непосредственное влияние на экономическое развитие.

Сравнивая разницу в доходах в России с другими странами мира, А. Шевяков утверждает, что в России в целом, уровень самых высоких доходов в 16–17 раз больше уровня самых низких доходов (в Москве этот показатель составляет около 50), в то время как в Скандинавии эта разница составляет от 3 до 4 раз, в США – 14–15 и в Мексике – 25 (5).

Правильная постановка задач модернизации, учитывая высказанное, требует, по мнению О. Сухарева (16), получение ответов на следующие актуальные вопросы:

1. Возможна ли модернизация за счет сырьевого комплекса страны, если учесть, что эффективность нефтегазовой отрасли постоянно снижается, а инфляция издержек становится все более регламентирующей функционирование этой отрасли, в том числе по причине технологической отсталости и отсутствия необходимого капитала?

2. Насколько возможно модернизировать экономику, сохранив задачу удвоения ВВП, и какой должна быть глубина модернизации? Кроме того, насколько адекватно провозглашение задач модернизации в условиях недостатка ликвидности и финансово-экономического кризиса ?

3. Возможно ли модернизировать экономику при неправильной постановке целей модернизации и отсутствия понимания ее содержания? Например, структура национального богатства стран Запада такова, что 65% приходится на человеческий капитал, 15 – на природно-ресурсный и 20% – на технологический. В России же все с точностью дооборот, т.е. 65% – на природно-ресурсный, 20 – на технологический и 15% – на человеческий.

Следует ли под модернизацией понимать изменение данного соотношения? Либо под модернизацией следует понимать планомерную ликвидацию (выправление) структурной вилки, когда высокодоходные виды деятельности в экономике являются низкорискованными, а низкодоходные (все производственные секторы) – высокорискованными?

4. Почему модернизацию экономики не рассматривать как структурную задачу формирования соответствующих хозяйственных пропорций? Ведь это требуется для рассмотрения проектировочной задачи, использования методов планирования и подбора необходимого инструментария, воздействующего на компоненты этой и предполагаемой структуры.

Только продвинувшись в части ответов на поставленные вопросы и поняв причины кризиса внутри самой экономической науки, можно подойти к созданию новой модели современного общественного развития, модифицируя неэффективную и изжившую себя капиталистическую форму общественного воспроизводства и социо-культурного развития, полагает О. Сухарев (16).

Оптимальная программа российской модернизации должна состоять в своего рода «неосталинизме» – концентрации ресурсов при государственном стимулировании массовой интеллектуальной деятельности с одной стороны, а с другой – максимально быстрого и широкого применения ее результатов, считает М. Делягин (6).

Жесткость государственного управления не противоречит ни интеллектуальной деятельности (чему примером служат Япония и Сингапур), ни успеху в современной глобальной конкуренции и технологическом прогрессе (пример Китая).

В сталинской модернизации для нашей страны неприемлемо, по мнению автора, лишь одно: исключительная жестокость и равнодушие к человеческой жизни. Это неприемлемо не по гуманистическим соображениям – история мира полна случаев, когда именно неуклюжий или чрезмерный гуманизм проливал реки крови, а по сугубо практическим причинам. Ведь именно жестокость по-

дорвала инициативность народа и привела к тому, что созданная Сталиным система породила Горбачёва.

Тем не менее М. Делягин полагает, что у нас нет иммунитета от чрезмерной жестокости. Поэтому, ни авторитарная, ни «неосталинистская» модернизация, при нынешнем уровне разложения российского общества, обусловленного либеральными социально-экономическими реформами и расцветом клептократии, невозможна в принципе.

Стратегические цели модернизации (программа максимум) автор видит в следующем:

1. Модернизироваться, как социально, так и технологически, обновить себя и страну. Старая модель существования, основанная на проедании советского наследия, исчерпана почти полностью.

2. Сохранить Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток: при численности населения 2% от общемировой, мы сохраним за собой почти 20% мировых ресурсов, лишь будучи умными, умелыми и энергичными.

3. Восстановить внутреннее единство России по региональному, национальному и социальному признакам.

4. Повысить не только уровень, но и качество жизни так, чтобы жить в самом дальнем уголке нашей страны было приятно и уютно.

Для решения этих стратегических задач необходимо, по мнению М. Делягина, в качестве первого шага в течение двух-трех лет обеспечить выполнение следующих задач (программа-минимум):

1. Гарантирование прожиточного минимума как экономического выражения права на жизнь. Направление финансовой помощи центра регионам в первую очередь на решение этой задачи.

2. Модернизация инфраструктуры на базе новых технологий, что резко снизит издержки и повысит деловую активность.

3. Ограничение коррупции освобождением сотрудничающего со следствием взяткодателя от ответственности, конфискацией активов не сотрудничающих со следствием участников организованной преступности (включая коррупционеров), созданием полноценного «электронного правительства».

4. Ограничение произвола монополий обеспечением прозрачности структуры их цены, правом антимонопольной службы восстанавливать резко повышенные цены на время проведения расследования и замораживанием цен и тарифов естественных монополий на три года. Субсидирование за счет бюджета коммунальных расходов, превышающих 10% доходов семьи (что делает Минфин могильщиком коммунальных монополий).

5. Введение умеренного протекционистского режима по образцу Евросоюза. Запрет импорта производимых в России товаров и услуг за счет бюджета. Введение 10%-ного налога на вывод из России капитала, находившегося на ее территории менее года. Прежде всего следует выработать стратегию модернизации, которая представляет собой длительный процесс, считает И. Юргенс (21). Необходимо определить прорывные отрасли и направления «основного удара». После этого надо разработать инструменты, которыми будут внедрять модернизацию. Президент уже озвучил основные направления модернизации. Это энергоэффективность и энергосбережение, ядерные, космические, медицинские и информационные технологии. Однако, по мнению автора, эти пять пунктов еще не окончательный вариант. Другие направления определяются конкуренцией на рынке.

Следует провести широкий анализ совместно с научными и деловыми структурами. Рынок сам довольно быстро определит эти отрасли, если, конечно, в него не буду закачивать деньги по методу АвтоВАЗа, утверждает автор. При этом нужно концентрировать внимание не только на модных сейчас направлениях нанотехнологий или биотехнологий, но и на наших традиционных отраслях.

Например, это может быть совершенствование технологий переработки сырьевых отраслей в таких областях промышленности, как нефте-, газопереработка, деревообработка и металлургия. При этом следует выбирать наиболее используемые в торговле продукты на мировых рынках и добиваться результатов.

Определив прорывные отрасли модернизации следующим шагом должно быть предоставление им экономических и финансовых послаблений – налоговых, амортизационных, таможенно-тарифных, экспортных и других традиционных методов помощи приоритетным отраслям, утверждает автор (8).

Выступая в апреле 2010 г. с традиционным ежегодным посланием министр финансов РФ А. Кудрин отмечал, что для дальнейшего стабильного развития российской экономики необходимо ориентироваться на внедрение механизмов, способствующих конкуренции и контролируемой инфляции, создание в кредитной сфере рынка дешевых длинных денег, повышение эффективности бюджетных расходов и осуществление модернизации (23).

Это означает необходимость создания таких финансовых и налоговых механизмов, которые стимулируют активизацию научных исследований и разработок и внедрение на этой основе инноваций.

При этом, по мнению А. Логвинова, для осуществления модернизации экономики требуется соблюдение ряда условий, одним из которых является формирование «политического запроса» и сильной власти, способной провести нужные реформы (20).

Вместе с тем Д. Баранов полагает, что политическая составляющая не является основным условием ее проведения. Успешное осуществление модернизации зависит от того, насколько наша бюрократия будет противодействовать ее реализации.

Существенным тормозом на пути модернизации являются проблемы в существующем законодательстве, считает Г. Томчин (20). Власти обещают, дать налоговые и иные преференции тем, кто занимается «умным» бизнесом. «Но понятия “новые технологии” в нашем праве нет и, соответственно, понятия торговли новыми технологиями тоже нет, – утверждает эксперт. – А в налоговом кодексе нет презумпции невиновности налогоплательщика».

Одним из основных условий модернизации экономики является кардинальное обновление технико-технологической базы производства, считает О. Изряднова (18). При этом речь идет о принципиально новых технологиях и производствах.

Развивая эту мысль, А. Кокошин отмечает (18), что инновации – это, прежде всего новые технологии. «Для поддержки инновационной экономики мы должны в серьезном экономическом контексте рассматривать огромное количество технических систем, которые формируют экономику. У нас существует дефицит разработок, посвященных закономерностям соотношений между фундаментальной наукой и прикладными исследованиями. Есть много брешей в наших знаниях и понимании этого вопроса. Однако вкладывать деньги в технологии в России на сегодняшний день менее выгодно, чем в подавляющее большинство других направлений», – констатирует Д. Шустерняк. «Парадоксально, но факт – у нас слишком много возможностей, мы слишком богаты ресурсами для того, чтобы развивать технологии. Поэтому и нужны государственные компании (будь то ФГУПы, ОАО или госкорпорации) – заниматься тем, чем частный бизнес заниматься не хочет», – полагает эксперт (20).

Кроме того, модернизация требует от государства снижения пошлин, налоговых льгот, дешевых кредитных линий: «Беда в том, что у нас пока производство – не самый, мягко говоря, выгодный бизнес. Добывать нефть, рубить и вывозить лес, торговать – выгоднее, чем что-то производить», – полагает Д. Шустерняк.

Несколько иной позиции придерживается Л. Волчкова (20), считающая, что основная задача для государства при модернизации – обеспечить условия честной конкуренции, как в банковском секторе, так и на товарных рынках: «Тогда и процент будет такой, что и банки, и предприятия смогут развиваться».

Существует несколько критериев, которые предопределяют успешность модернизации, полагает Т. Гурова (18).

В первую очередь, это готовность элит. Многие считают, что модернизация должна рождаться снизу, однако, по мнению автора, именно элиты, т.е. лидеры, способны дать стратегическое видение столь масштабного проекта. Проблема лишь в том, что элиты у нас сильно разобщены.

Во-вторых, адекватность оценки сложившихся мировых трендов. Модернизация – это не самоцель, а способ выйти на высокий уровень конкурентоспособности в мире.

В-третьих, вовлеченность людей в модернизацонные процессы и расширение круга бенефициаров модернизации.

И, в четвертых, это создание и развитие национального капитала. Как показал кризис, делать ставку на иностранный капитал очень рискованно. Как только у международных финансовых институтов начались проблемы, они стали выводить свои деньги из России и закрывать финансирование. Этот тренд усилился еще и тем, что после кризиса депозиты стали дороже, и иностранные банки потеряли интерес к работе с населением.

Проблемы, возникающие на пути модернизации Д. Медовников разделяет на мнимые и действительно существующие (18). К мнимым он отнес сырьевую зависимость России. Экономика Норвегии также была основана на сырье, но именно на его основе была построена новая современная экономика страны. В то же время серьезной проблемой остается слабая инфраструктура (страна просто не связана дорогами), недостаточный уровень затрат на НИОКР, а также инертность научных школ и инжиниринговых компаний.

Подтверждая этот вывод Т. Бэнкрофт-Хинчи приводит данные, характеризующие уровень затрат, направляемых на внедрение технологических инноваций в странах Запада и России (23).

Так, если все затраты на НИОКР в 2009 г. составили в России 800 млн. долл., то лишь одна американская компания «General Motors» направила на эти цели 8 млрд. долл. В 2008 г. только 9,6% отечественных предприятий осуществляло вложения в технологические инновации. В Германии этот показатель в том же году со-

ставлял 73%, в Эстонии 47%. Более того, в то время, как Министерство финансов РФ отказалось финансировать разработки Российской академии наук, иностранные компании взяли эти затраты на себя, оказавшись, таким образом, собственниками технологических изобретений России.

Представляется вообще удивительным, что после 20-летнего периода стагнации и застоя, социально-экономические показатели России могут быть сопоставимы с аналогичными показателями США и других стран Запада, отмечает Т. Бэнкрофт-Хинчи (23).

В последние годы в российской экономике наблюдается увеличение притока инвестиций в модернизацию ряда отечественных предприятий, в частности в металлургической, нефте-перерабатывающей и химической промышленности, отмечает В. Иноземцев (25). Несмотря на все громкие воззвания о приверженности правительства поддержке модернизации, все эти проекты были осуществлены без помощи государства, что вызывает у автора большие сомнения в реальных намерениях государства модернизировать страну.

Главным препятствием, по мнению автора, является несовершенство механизма сертификации оборудования с целью адаптации его к отечественным техническим стандартам. В большинстве случаев рассмотрение документации «сьедает» значительную часть энергии и ресурсов инвесторов.

Даже во время финансового кризиса 2008–2009 гг. в Россию было поставлено импортного оборудования на сумму в 160 млрд. долл., что составило 52% общего объема импорта России. Из них 62,2%, или 99 млрд. долл. пришлось на страны Евросоюза – в первую очередь Германию. Около 17% импорта оборудования, или 27,2 млрд. долл. приходится на КНР. При этом, из этой суммы, 45% продукции были произведены европейскими компаниями, которые осуществляют торговые операции с Китаем, а 35% – были произведены китайскими фирмами для экспорта в Европу. Это показывает, что более 75% импорта оборудования в России были де-факто сертифицированы по более требовательным стандартам Евросоюза (5).

Поэтому следует упростить обременительные требования к процессу получения разрешения на импорт и получение сертификатов на оборудование, изготовленное в Европейском союзе или в соответствии с его стандартами, полагает В. Иноземцев (25).

Российское общество, вопреки мнению экспертов, готово к модернизации, утверждает И. Дискин (18). Результаты исследо-

ваний ВЦИОМ показывают, что активные группы населения готовы работать в модернизационном секторе. Проблемы две – российские институты и бесконечное количество обсуждений модернизации.

Модернизировать экономику по образцу динамично развивающихся азиатских государств, таких как Япония, Китай и Сингапур, по мнению экспертов, практически невозможно. Этот путь для России, скорее всего, обречен на провал, потому что у нас другие люди, другая рабочая сила с совершенно другой мотивацией, считает Е. Лебединская (20).

Что касается вопроса использования западного опыта модернизации экономики, то на первом этапе этого процесса можно приглашать в нашу страну западных игроков, что-то перенимать у них, учиться, и с этой базой идти дальше и создавать уже новые технологии, предлагает В. Полтерович (18).

В мае 2010 г., в ходе встречи с главами американских венчурных фондов, Д. Медведев пригласил американский капитал делать инвестиции, пообещав содействие и выгодную налоговую атмосферу. Такое же предложение российский президент шлет уже в течение длительного времени и европейцам. «Однако, если США реагируют на него незамедлительно, ЕС медлит с ответом», – отмечает Э. Бонзе (24).

Переговорщики из Москвы и Брюсселя встречались уже 9 раз, чтобы обсудить условия соглашения о партнерстве, и все безрезульятатно. То процесс тормозят страны Балтии и Польша, то Россия обиженно делает шаг назад. Пока 79% иностранных инвестиций в России приходится на долю ЕС, но по пятам уже идут США, КНР и Индия. России не хватает инноваций и капитала – и они должны прийти из-за границы, так что сегодня все козыри на руках у ЕС.

В связи с этим ЕС должен проводить более прагматичную политику в отношении России, если не хочет остаться за бортом, полагает автор.

Новые технологии – основа модернизации экономики

На X юбилейном форуме «Высокие технологии XXI века», состоявшемся в апреле 2009 г., российские экономисты, социологи, психологи, философы подвели некоторые итоги инновационного развития России за последние 15–20 лет. Если в вопросе о перспективах мнения экспертов разошлись – одни оценивали их более, другие менее пессимистично, то в подведении итогов все они были

практически единогласны: текущее состояние этой области неудовлетворительно, мы отстаем от других стран (14).

Участники форума назвали множество причин деградации в области генерирования и внедрения инноваций. Все они сводятся, в основном, к следующему: плохое управление материальными и нематериальными активами страны. Неудовлетворительный менеджмент проявляется:

- в создании атмосферы недоверия бизнеса к власти в условиях коррупции, непрозрачности инвестиций и принятия особых «правил игры» для приближенных к власти структур;
- в разрыве производственно-сбытовых цепочек, звенья которых были приватизированы различными юридическими лицами;
- в отсутствии компетентной «инновационной элиты»;
- в недостатке спроса на инновации в примитивизирующемся обществе, нацеленном не на созидание и честный образ жизни, а исключительно на скорую наживу и потребление (самое главное, по мнению экспертов).

Россия – это «цивилизация Севера», и поэтому наша страна не может быть полноправным участником процесса глобализации, получающим выгоду от этого процесса, считает Г. Малинецкий. Жить лучше, по его мнению, можно прекратив вывоз капитала за границу. Кроме того, несмотря на движение экономики по постиндустриальному вектору, не стоит забывать и о собственном промышленном производстве. Нельзя покупать «все» за границей, ставя себя тем самым в полную зависимость от других стран.

В то же время инновации могут быть и опасными для общества, полагает А. Агеев (14). В качестве примера он назвал появившиеся несколько лет назад новые финансовые инструменты, приведшие к росту фиктивного капитала, и как следствие – мировому экономическому кризису.

В соответствии с моделью Кондратьевских циклов, сейчас мы пришли к концу «длинной волны», основанной на таком кластере инноваций, как микроэлектроника, информационные и телекоммуникационные технологии.

В ближайшее время начнется восходящая часть очередной «длинной волны», связанной со становлением нового мирового технологического уклада. В его основу лягут уже открытые учеными технологии, разработка которых еще находится на этапах фундаментальных исследований или создания опытных образцов. Это, по мнению эксперта, разработки в области биотехнологий,

нанотехнологий, квантовых вычислений, новой медицины и нового природопользования.

Страны, неспособные генерировать и внедрять инновации в этих сферах, останутся за бортом новой мировой посткризисной экономики. Поэтому для России реализация эффективной методологии инновационного развития является жизненно важной задачей, заключает А. Агеев (14).

При анализе рецептов российской макроэкономической политики, которые даются разными экономическими школами, следует учитывать, что российская экономика является сугубо сырьевой и в настоящее время дискуссия о том, как предотвратить сырьевой сценарий развития, не является актуальной, поскольку де-факто функционирует сырьевая экономическая система, отмечает О. Сухарев (17). В этих условиях актуальной для экономической науки становится важным определить – возможно ли в России воспроизведение передовых технологий наравне со значительной долей сырьевого экспорта?

Эволюционная экономика, по мнению автора, как направление экономической науки, в отличие от «мэйнстрима» и кейнсианства как раз занимается проблемой влияния технологического развития на экономическую систему. Эволюционные экономисты также давно интересуются не только проблемами возникновения и развития кризисов, но и пытаются понять причины, лежащие в основе кризисной капиталистической природы общества. В частности, имеются работы ведущих экономистов этого направления, посвященные анализу взаимодействия технологий и институтов (Х. Хануш, Ю. Кантнер, П. Савиотти, А. Пук, Дж. Дози, Дж. Ходжсон и др.), а также влияния инноваций на экономическую динамику (Й. Шумпетер, Х. Хануш, К. Фримен, Р. Нельсон, К. Перес и др.), исследования взаимосвязи и взаимовлияния производственных и финансовых инвестиций (Г. Мински).

Вместе с тем проблема коэволюции финансового и производственного секторов, несмотря на то, что она описывалась еще К. Марксом и выдающимся институционалистом Т. Вебленом, все-таки остается открытой для исследования и необходимого понимания, утверждает О. Сухарев (17).

Одной из основных тенденций инновационного развития В. Лебедев считает усиление экспансии иностранного капитала в российскую промышленность (8). За 2010 г. среди анонсированных и реально начатых проектов более половины – иностранного происхождения. Похоже, американские, европейские и азиатские

компании почувствовали долгожданную стабильность в экономике России и начали закладывать основы своего посткризисного продвижения на российские рынки, полагает автор.

Что же касается российских инвесторов, то, несмотря на их знание региональных рынков, наличие финансовых ресурсов, они пока не в силах реализовать инвестпроекты самостоятельно в силу недостатка знаний и компетенций. Эта ситуация отражает одну из основных черт, присущих текущему инвестиционному процессу в России: промышленные инвестиции в стране крайне востребованы, возможностей для их осуществления масса, даже деньги – не проблема. Все упирается в недостаток квалификаций по осуществлению таких проектов, начиная от создания ТЭО и заканчивая промышленным инжинирингом и непосредственным возведением новых заводов и фабрик, утверждает В. Лебедев (8).

Модернизация и диверсификация экономики РФ без активной помощи ЕС невозможна, считает А. Башкатова (1). Стране не хватает специалистов, опыта, инвестиций.

Европа стремительно теряет конкурентоспособность из-за притока дешевых азиатских товаров высокого качества. Поэтому, по словам Ф. Зулига, ЕС видит основной источник своего дальнейшего устойчивого роста в развитии инноваций.

Кроме того, если не будет координации действий с другими странами – США, Индией, Россией и т.д., – преодоление кризиса на глобальном уровне невозможно. Помимо этого, и внутри самого ЕС нужна еще более тесная интеграция – Европа вынуждена пойти на возможное создание «Соединенных Штатов Европы». Однако очевидно, что это очень сложный путь, ведь многие страны подвержены «национальному эгоизму».

Программу модернизации российской экономики ждут и Украина, и Белоруссия, и Молдавия. Потому что с точки зрения структурных недостатков экономики они практически наши «сестры». И в этом смысле Евросоюзу будет выгодно помочь России с модернизацией, ведь такая помощь положительно скажется и на некоторых других странах, считает Р. Гринберг (1).

Потенциал такой помощи П. Клюев видит в создании на территории страны совместных предприятий. «Россия ввозит из Европы в основном технику и оборудование. Она заинтересована в том, чтобы не только их импортировать, но и производить у себя. Этому должно способствовать создание совместных предприятий. Для стимулирования иностранных инвестиций следует активно вносить изменения в наше законодательство», – утверждает автор.

Вместе с тем некоторые эксперты сомневаются в том, что Евросоюзу действительно будет выгодно принимать активное участие в модернизации российской экономики. Скорее стоит ожидать лишь «точечной» помощи.

«Россия уже занимает определенное место в общеевропейском разделении труда. Вряд ли в нынешней трудной ситуации у европейцев есть заинтересованность проводить крупноформатную диверсификацию нашей экономики, то есть делиться с нами какими-то серьезными экономическими нишами. А вот проекты регионального масштаба, на уровне среднего бизнеса, вполне могут заинтересовать широкие круги европейских предпринимателей и инвесторов» – таково мнение С. Шандыбина (1). Именно для таких проектов следовало бы сейчас создавать максимально благоприятные условия в регионах, уверен эксперт.

В России все большее понимание находит утверждение, что без использования западных технологий, без сотрудничества с Западом ей не удастся провести модернизацию, полагает А. Рар (12). Однако большинство стран ЕС будут готовы на партнерство с Россией только тогда, когда Россия будет понимать модернизацию политически, а не только экономически или технологически.

Для этого необходимо совершенствовать законодательство, соблюдать права человека и укреплять правовую культуру, бороться с коррупцией. С точки зрения Запада пока изменения в России происходят очень медленно.

Организационные и финансовые механизмы moderнизации экономики

Проблема формирования финансового механизма модернизации является объектом оживленных дискуссий и относится к наиболее острым проблемам экономической теории и хозяйственной практики, отмечает Л. Игонина (7, с. 116). Способы решения этой проблемы становятся своеобразным водоразделом между позициями государственников и либералов в вопросе об участии государства в этом процессе, а, следовательно, соотношении таких ключевых инструментов финансового механизма, как государственное финансирование и финансовый рынок.

В такой постановке данная проблема рассматривается обычно с методологических позиций современной интерпретации классической и неокейнсианской теории. Однако оценка новых реалий экономического развития требует, по мнению автора, привлечения

методологических ресурсов современной институционально-эволюционной теории, содержащей ряд подходов к исследованию «технологических полюсов современного мира, асинхронности и асимметричности процессов эволюции хозяйства, ядра развития и периферии, переноса и вызревания новых институтов, учета силы экономической инерции» (7, с. 117).

Финансовый механизм модернизации отечественной экономики находится лишь в процессе своего становления и объективно отстает от западных аналогов по ряду параметров:

- на темпы развития финансового рынка влияет достаточно высокая капиталоемкость добывающих отраслей – основных участников этого рынка, а также состояние финансового рынка во многом определяется недиверсифицированной структурой экономики;

- узкий спектр финансовых инструментов, включающий корпоративные облигации, биржевые облигации, депозитарные расписки и IPO;

- отставание банковской системы России по сравнению с другими странами (соотношение совокупных активов банков с ВВП в России – около 43%, в США – около 62, в странах Западной Европы – 300–400%) (7, с. 98).

- низкий удельный вес частных инвесторов (лишь 1,5–2% населения сегодня сознательно вкладывает деньги в покупку акций);

- большая часть заключаемых на биржевом и внебиржевом рынках сделок носит не инвестиционный, а краткосрочный характер. В структуре фондовых сделок операции по привлечению инвестиций не являются доминирующими: даже при проведении IPO частой мотивацией является не развитие бизнеса, а привлечение средств для нужд акционеров, недостаточное развитие финансовой инфраструктуры и т.д.

В то же время, с учетом достигнутых количественных параметров, отечественный финансовый рынок можно отнести к наиболее динамично развивающимся сегментам российской экономики, отмечает Л. Игошина. Исследование показывает, что финансовый рынок стал инструментом привлечения инвестиций, однако крупнейший игрок этого рынка – государство. Оно – источник основных ценообразующих процессов (так, из 21 IPO, проведенных в России в 2008 г. на общую сумму свыше 20 млрд. долл., половина средств приходилась на размещение акций государственной компании «Роснефть»), на его долю приходится треть капитализации 200 самых дорогих компаний России и существенная часть банковских активов.

Обращает на себя внимание тот факт, что развитие финансовых рынков осуществляется при доминировании административных инструментов регулирования над рыночными.

«Пытаясь создать финансовую систему, адекватной задачам модернизации, государство активизирует и бюджетные инструменты. Так, в бюджетах обеспечен существенный рост государственных инвестиций. Для финансирования крупных инвестиционных и инновационных проектов создан Инвестиционный фонд. Источником его формирования явились средства Стабилизационного фонда. Тем самым длительная дискуссия вокруг этих средств – копить нельзя потратить – получила свое официальное решение. Предусмотрено развитие венчурного фонда и свободных экономических зон», – отмечает Л. Игошина (7, с. 120).

Таким образом, именно государство осуществило запуск финансового механизма модернизации российской экономики. Однако, по мнению автора, возникают следующие опасения относительно эффективности этого механизма:

– ограниченность административного ресурса. Если функция административного давления на участников финансового рынка становится приоритетной, у государства возникает специфический командный интерес взять под свой контроль как можно большее число субъектов финансового рынка. Однако последние остро реагируют на любые попытки огосударствления – его субъекты утрачивают интерес к продолжению финансовых операций и уходят в пространство, в котором существует свобода рыночных отношений;

– невозможность осуществления финансового прорыва за счет государственных средств. Государственные инвестиции должны создавать базу для вложений частного капитала и направляться, прежде всего, на ликвидацию существующих в России мощных инфраструктурных ограничений. Вряд ли с этим положением согласуется расширение государственного сектора в экономике за счет увеличения доли в компаниях;

– недостаточная эффективность использования бюджетных средств, в том числе и средств инвестиционного фонда, недоработанность методического инструментария финансовой оценки, сохранение высокой бюрократизации и административного произвола;

– низкое качество институтов, слабые механизмы защиты прав собственности, несовершенное антимонопольное регулирование и т.д.;

– территориальная неоднородность финансовой системы. Сосредоточение финансовых потоков в центре, не обеспечивает

решения проблемы финансового обеспечения модернизации экономики регионов (рост финансовых трансфертов регионам оборачивается слабостью их собственной финансовой базы).

Поиск новых путей финансирования предприятий реального сектора – одна из важнейших задач экономической модернизации страны. Вместе с тем банки сегодня переживают избыток ликвидности, но при этом не кредитуют реальный сектор, отмечает А. Аксаков (16). Это связано с тем, что риски слишком высоки. Разрешить это противоречие можно только, если часть рисков возьмет на себя государство. Сегодня по такой схеме работает РосБР в вопросах кредитования малого бизнеса. Этот опыт необходимо распространять и на другие институты развития.

Для масштабного внедрения инноваций запаса краткосрочной ликвидности российских банков недостаточно, инновациям требуются большие и долгосрочные деньги. Для модернизации экономики необходима модернизация финансовой системы. Именно поэтому весьма актуальным является, по мнению автора, создание в РФ мирового финансового центра, поскольку условием его создания станет необходимость принятия законов, направленных на совершенствование финансовой системы РФ.

Другим механизмом поддержки инноваций Л. Пепеляева называет законопроект, который предусматривает финансовую поддержку со стороны государства инновационных компаний, выходящих на фондовую биржу (16).

В настоящее время основным препятствием для компаний, которая запланировала IPO и намерена привлечь финансирование через биржу – это финансовые средства. Так, при первичном размещении на сумму в 50 млн. руб. цена вопроса по размещению будет колебаться в пределах от 5 до 7,5 млн. руб. В эту сумму входят: плата агентам, консультантам, комиссионные самой бирже. И поскольку инновационная компания свободными деньгами в таком объеме, как правило, не располагает, законопроект предусматривает ввести норму, согласно которой стоимость выхода инновационной компании на биржу должна на 50% возмещаться государством. Остальное будет платить компания.

Все эти факты, по мнению автора, говорят об одном – необходима модернизация финансовой сферы. Особенно важно это еще и потому, что по уровню производительности труда российская банковская сфера уступает странам запада. «Масштабы отставания, например, в секторе кредитных услуг удручают – в 16 раз от США, в 20 раз от Швеции и Нидерландов. В сфере депозитов и

текущих счетов – в 10–15 раз. Мы лентяи и не хотим работать эффективно? Думаю, что дело в другом, дело в условиях. И это не вина, а беда нашей глубинки, что там нет работы и людям просто нечем заняться», – подчеркнул Г. Тосунян (16). Поэтому без развития финансового рынка не будет ни инновационного развития, ни модернизации экономики и развития инфраструктуры.

Для успешной модернизации экономики на основе инновационного процесса нужны длинные дешевые деньги, считают Д. Гришанков, С. Волков и П. Самиев (4). Без них ни о каких новых проектах не может быть и речи. Ведь для «модернизаторов» одинаково недоступны кредиты и под 20%, и под 14, и даже под рекордные 10–12%. К этому надо еще добавить, что около 90% нашей финансовой системы работает в горизонте до одного года, в то время как новые технологии окупаются порой через десятилетие.

Кроме того, более 70% инвестиций в основной капитал в России финансируется за свой счет (включая перераспределение внутри крупнейших промышленных групп) и из бюджетных источников. Что же касается собственно рыночной финансовой системы, то при планировании на нее не особенно и рассчитывают, все больше используя различные формы частно-государственного партнерства. Таким образом, государство, по существу, отстраивает свою, параллельную рыночной, финансовую систему.

Для преодоления этих негативных тенденций, финансовый рынок, по мнению авторов, во-первых, должен стать доступным. Количество торгующихся эмитентов должно измеряться десятками тысяч. Кредитование должно стать стандартной практикой не только для крупного бизнеса. Должна существенно вырасти доля среднесрочных и долгосрочных активов (в первую очередь кредитов на сроки от одного года). Сейчас же банковская система финансирует в основном торговлю и в гораздо меньшей степени – производство.

Во-вторых, рынок должен стать устойчивым и сильным. Это значит, что активы банков, лизинговых компаний, пенсионных фондов и страховщиков должны вырасти на порядок.

В-третьих, рынок должен быть самостоятельным. Доля российских инвесторов должна также вырасти на порядок, ключевые инвестиционные решения должны приниматься в России крупными институциональными структурами (пенсионными фондами, страховщиками, УК, отечественными банками).

В целях достижения этих ориентиров авторы предлагают активнее задействовать следующие инструменты:

1. Институты: законодательное поле, системы оценки рисков и кредитного качества, обычаи делового оборота и защиты прав, поведение частных инвесторов (в том числе вкладчиков НПФ, ПИФов и т.д.). В этой области у нас отсутствуют целые сегменты. Например, в России нет законодательства по секьюритизации, нет нормативной базы по кредитным рейтингам, отсутствует оперативный лизинг, по-прежнему невозможно использовать в качестве залога движимое имущество, а множество объектов вообще исключены из финансового оборота.

2. Изменения в денежно-кредитном регулировании. Антиинфляционная политика должна учитывать наличие значительного немонетарного компонента, для борьбы с которым необходимо не подавлять кредитование, а использовать механизмы антимонопольной, налоговой и таможенной политики. Постоянные попытки побороть инфляцию исключительно зажиманием денежного предложения наносят огромный вред экономике: инфляция все равно неконтролируема и по-прежнему высока. При этом финансовый рынок теряет потенциальный ресурс для расширения кредитования реального сектора (не потребительского, а именно инвестиционного).

3. Инструментом экономической и промышленной политики должен стать сам финансовый рынок – кредитование, управление активами, страхование, лизинг. Активная государственная политика – поддержание систем разделения рисков (государственные и муниципальные гарантии и рефинансирование через банки развития, субсидирование ставок), расширение программ развития, развитие ЧГП с привлечением частных банков и управляющих компаний, введение обязательных видов страхования, энергичное продолжение пенсионной реформы – даст финансам шанс поддержать развитие реального сектора, являющегося материальной основой будущей модернизации.

Одним из основных направлений модернизации отечественной экономики является обновление основных фондов и всего производственного процесса. В связи с этим лизинг – важнейший инструмент составляющей инновационного процесса, который, по мнению Р. Романовского и П. Самиева, не используется в экономике в полной мере. Это обусловлено нехваткой долгосрочных ресурсов и негативными изменениями законодательства (13).

До 2008 г. рынок лизинга в России рос настолько успешно, что его ставили в пример другим странам. Даже в быстрорастущем Китае лизинговый рынок был почти на 12% меньше российского (по дан-

ным White Clarke Global Leasing Report, объем лизингового рынка России в 2008 г. – 24,81 млрд. долл., Китая – 21,88 млрд. долл.).

Лизингу до кризиса удалось стать значимым инструментом инвестиций, модернизации, обновления производства. Именно лизинг в России – яркий пример успешного развития финансового сектора, когда, с одной стороны, ему не очень сильно мешают, а с другой – есть стимулы к росту и расширению сфер применения.

Однако в 2009 г. произошло существенное сокращение рынка, объем новых сделок снизился до уровня 2005–2006 гг. Помимо этого на рынках капитала на сокращение рынка повлияли неблагоприятные изменения законодательства. Отсутствие единой позиции государственных органов по вопросу развития лизинговой отрасли привело к формированию негативных ожиданий у участников рынка и к сокращению инвестиций в обновление производства, в частности через механизм лизинга.

Значительное уменьшение объема заключаемых лизинговых сделок было обусловлено нехваткой финансирования в 2008 – начале 2009 г., повышением процентных ставок по заемным ресурсам, ужесточением требований к потенциальным клиентам и ухудшением финансового состояния лизингополучателей. Объем заключенных лизинговых сделок в 2009 г. упал до минимального уровня в масштабах экономики России: доля лизинга в ВВП составила всего 0,81% (19). А ведь именно лизинговые компании способны обеспечивать финансирование проектов модернизации производственных мощностей, предоставлять долгосрочные ресурсы. Для ряда инфраструктурных отраслей (транспорт, энергетика, связь, сельское хозяйство) лизинговое финансирование является основным источником средств модернизации бизнеса. Кроме того, для малого и среднего бизнеса лизинг – практически единственная возможность получить долгосрочное финансирование, в котором банки ему зачастую отказывают. Высокая степень износа основных фондов в России означает необходимость поддержки механизма лизинга государством, считают Р. Романовский и П. Самиев (13).

Вместо этого законодательное регулирование лизинга осуществляется в хаотичном режиме, и зачастую принимаемые законы крайне негативно влияют на функционирование рынка. С 2009 г., в разгар кризиса, была отменена возможность применения ускоренной амортизации для оборудования первой-третьей амортизационных групп. Эти группы включают в себя имущество со сроком полезного использования до пяти лет. В 2010 г. Минфин предложил и вовсе отменить возможность ускоренной амортизации

при лизинге. Для максимального использования лизинга в инвестиционном процессе необходимо вернуть имевшиеся у него привилегии, прежде всего возможность ускоренной амортизации по всем группам оборудования, утверждают авторы (13).

Кроме того, Р. Романовский и П. Самиев предлагают законодательно признать оперативный лизинг для возможности его широкого применения в отраслях, где особенно высока инновационная активность. К примеру, современное компьютерное оборудование, которое морально устаревает очень быстро, нуждается в замене гораздо раньше истечения срока его физической амортизации.

Достаточно дать лизинговым компаниям хотя бы небольшие льготы, создать благоприятное институциональное поле и ослабить давление ФНС (в части возврата НДС), и лизинг станет эффективнейшим инструментом модернизации.

Важнейшей составляющей инновационной экосистемы, по мнению Е. Зайцева, должны стать венчурные фонды (11). Однако их развитию и функционированию препятствуют следующие проблемы:

– отсутствие на российском рынке профессиональных институциональных инвесторов. То есть инвесторов, которые дают деньги нам, венчурным капиталистам, – это пенсионные фонды, это фонды фондов, это крупные страховые компании и т.д.;

– недостаток профессиональных венчурных капиталистов. Сегодня здесь функционируют несколько десятков венчурных фондов. Многие регионы считают своим долгом открыть свой региональный венчурный фонд. Практически у каждого олигарха есть свой карманный венчурный фонд. Но вопрос в том, кто будет управлять всем этим капиталом. Дело в том, что венчурный бизнес – это нетривиальный бизнес, и он требует очень высокого профессионализма, считает Е. Зайцев (11).

Даже в Соединенных Штатах, где этой индустрии более 50 лет, доходность более чем 80% венчурных фондов на сегодня отрицательная. Поэтому очень важно привлекать в российские фонды только высокопрофессиональных венчурных капиталистов. Что же касается возможных решений, которые могут сделать российский венчурный капитал привлекательным как для институциональных инвесторов, так и для профессиональных венчурных капиталистов, то и здесь Е. Зайцев видит первоочередную задачу. Она опять-таки в увязке механизмов финансовой инновационной деятельности с общепринятыми международными стандартами и интеграции в глобальный венчурный бизнес.

Опыт модернизации экономики зарубежных стран

Рассуждать об успешности того или иного варианта модернизации вне реального исторического контекста бессмысленно. То, что было хорошо для Японии конца XIX в., очевидно бесполезно для Ирландии начала XXI в. (9).

Само понятие «модернизация» неоднократно трансформировалось на протяжении последних нескольких столетий. Прошлый исторический опыт может быть полезен, если четко понимать, где мы находимся относительно этого самого прошлого. А находимся мы, по-видимому, в завершающей стадии грандиозного цивилизационного перехода, который авторы описывают тремя понятиями: урбанизация – индустриализация – глобализация.

Стремительное расширение мировых рынков, появление новых источников сырья и международное разделение труда придали этому процессу историческую продолжительность и мощь. Чтобы сохранить управляемость, потребовались новые институты – мощнейшие бюрократические аппараты, системы образования, всеобщая воинская обязанность, средства массовой информации, политические системы общественной солидарности и контроля над властью и многое другое. Это в конечном итоге привело к появлению такого феномена, как нация, в качестве главного действующего лица на глобальной мировой арене (9).

Но даже наиболее быстро сформировавшиеся нации, например британская и французская, продолжали модернизироваться. Механизмы, которые были уместны на ранних стадиях модернизации, позже превращались в тормоз. Революции, которые играли важную роль на начальной стадии перехода от аграрного общества к обществу индустриализирующемуся, позже практически перестали происходить. Англия, Франция, США (с их Гражданской войной – крупнейшим военным конфликтом XIX в.), Япония, Россия.

Там, где не было революций, их роль сыграли опустошительные войны, которые уничтожили старые элиты, открыв дорогу новым модернизационным элитным группам (таков, например, опыт Южной Кореи и Тайваня). Там, где старые классы остались у власти, глубокой модернизации так и не произошло (наиболее очевидные примеры – некоторые страны Ближнего Востока, Латинской Америки или Филиппины).

Глобальные финансово-экономические потрясения, охватившие большинство стран, в том числе Бразилию, Аргентину и Россию, продемонстрировали исчерпанность различных моделей

инерционного развития, основанных на простом воспроизведении существующего хозяйственного потенциала (в данном случае – в сырьевых и аграрных отраслях), отмечает П. Яковлев (22).

Более того, сомневающимся в реальности модернизации России нужно приводить пример Китая, который в конце 70-х находился в положении гораздо худшем, чем мы сейчас, но смог добиться быстрого успеха в модернизации не только экономики, но и образа жизни населения, науки, социальной сферы, политической системы за счет понимания слабостей и сильных сторон своей нации, анализа зарубежного опыта, видения оптимального пути в будущее и непреклонной воли в реализации намеченной стратегии.

Китай

Дэн Сяопин вывел Китай на траекторию взлета. Председатель Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао не входили в ближайшее окружение «великого старца», но участвуют в реализации его планов. Они могли бы «рассекретить» технологии подготовки решений в области модернизации экономики, изначально очень похожей на нашу.

Руководители России и Китая встречаются все чаще. Было бы весьма полезно, если бы наряду с обсуждением международных проблем и вопросов двусторонних отношений лидеры обеих стран освоили новые области партнерства и стратегического взаимодействия – модернизации и инноваций, заключают авторы (22).

Для России, по мнению О. Сухарева, будут полезны положительные моменты, которые использовала Китайская Народная Республика для осуществления модернизации экономики (17).

Во-первых, Китай начал преобразование своей страны с решения экономических проблем при стабильной политической системе, сохранив управляемость, необходимую ротацию кадров, омоложение кадров КПК, ведя борьбу с коррупцией.

Во-вторых, руководство Китая прекрасно поняло одну простую мудрость, которая недоступна для понимания многих западных стран: *«Богатство – не в обладании, не в стяжательстве, накоплении и концентрации капитала, а в Пользовании, причем с опорой на широкие массы народа, раскрывая его потенциал, способности, используя его творческую и производительную энергию»*, – отмечает О. Сухарев (17).

Именно недопущение незаконного обогащения одних, а, наоборот, обеспечение вознаграждения в соответствии с вкладом в

общественное воспроизводство, низкий уровень дифференциации по доходам и позволяют со временем подтянуть деревенских жителей по уровню жизни к городскому населению. Если расшатать политическую систему либо допустить существенный рост дифференциации по доходам, причем на основе спекуляции, то об успешном развитии можно будет забыть.

В-третьих, начав реформы в конце 1970-х годов, Китай правильно расставил акценты: решение продовольственной проблемы, развитие сельских областей, гибкая политика закупочных цен, оживление внутреннего рынка, емкость которого очень большая за счет стимулирования спроса и развития отечественных производств. Политика «включения» сельскохозяйственного ресурса проводилась параллельно с политикой индустриализации страны. Здесь найден был удачный компромисс и стратегии опоры на собственные силы. 1990-е годы принесли Китаю необходимость развития высокотехнологичных производств и компьютерной техники, увеличение образованности населения.

В-четвертых, национальные традиции и опыт, накопленный КПК, дали свои плоды. Например, «культурная революция» 1966–1976 гг., критика которой сейчас является обычным делом, и которая действительно была неоднозначной, тем не менее заложила основы будущих реформ, в особенности индустриализации на основе новых технологий и импортозамещения. Именно в эти годы строятся основные железнодорожные магистрали, и создается промышленная база современного Китая, ее инфраструктура.

В-пятых, коммунистическая партия ставила задачу – обеспечение потребностей широких слоев населения, предоставление им работы и адекватного вознаграждения за труд, улучшение условий жизни. Причем за счет постепенной активизации инициативы самих людей, их творческих способностей. Эту модель можно назвать «экономикой для людей», а реформа выступала лишь инструментом с четкими целями и политическими механизмами реализации. Здесь же делался акцент на развитие личной собственности, внедрения элементов рыночного поведения при сохранении социалистических идеалов и равноправия.

Позитивную роль, по мнению О. Сухарева, сыграло постановление 1984 г. «О реформе хозяйственной системы», проектирующее долгосрочную стратегию развития Китая. Большшим плюсом для Китая выступает использование методов планирования – на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы (17).

В 1990-х и особенно в 2000-х годах наблюдался бурный рост китайской экономики, развитие производства, расширение внутренних инвестиций, привлечение иностранных инвестиций, развитие кластеров, где развиваются новые технологии.

В условиях кризиса 2008–2009 гг. программа Китая по его преодолению, по мнению автора, самая успешная, при этом, асимметричная относительно финансовой логики: 13% ВВП выделяется на строительство жилья для бедных, развитие транспортной инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства, высоких технологий. Была понижена процентная ставка, мобилизованы имеющиеся резервы, сохранена стабильность юаня, осуществлены налоговые льготы для инноваций и др.

Сегодня Китай справедливо и верно обеспечивает соотношение между автономностью своей экономической системы и ее открытостью, потому что полномасштабная либерализация, как и приватизация, будут губительны для Китая, считает О. Сухарев.

Стратегия увеличения запаса мировых валютных резервов позволила Китаю уверенно чувствовать себя в условиях мирового финансового кризиса. Происходит активное направление ресурсов села на масштабное строительство дорог и энергетической инфраструктуры Китая, что в условиях финансового кризиса и сокращения мирового спроса, в том числе на продукцию Китая, позволит занять население и обеспечить задачи развития страны на будущее без снижения стандартов потребления, отмечает О. Сухарев (24).

Большой плюс Китая состоит также в том, что его руководство справедливо сомневается в безуокизненности ответов, которые может дать современная экономическая наука и ее так называемые «ведущие» западные специалисты на вызовы нового времени. Свой стиль мышления, управленческий подход к решению проблем, взвешенность и осторожное копирование чужого опыта, принцип планомерного «наращивания» результата, стабильность политической системы и действия в интересах широких слоев народа с использованием его интеллекта, традиций, способностей и физической энергии – вот что является основой так называемого Китайского чуда, заключает автор.

Бразилия

Экономическая история Бразилии и России в XX в., по мнению Е. Берлина, имела кое-что общее (2). С 40-х годов до конца 80-х Бразилия делала ставку на государственный капитализм: в эконо-

мике доминировали государственные предприятия, правительство было главным инвестором и держало внутренний рынок на замке.

В Бразилии в то время было больше государственного контроля над экономикой, чем в любой другой некоммунистической стране. Система, однако, работала и до начала 80-х ежегодный рост ВВП в среднем составлял более 6%. Затем началась стагнация из-за проблем с выплатой внешней задолженности и низкой эффективности госсектора.

Бразильский «застой» завершился местным аналогом перестройки, и в 1989 г., впервые за 30 лет, страна голосовала на свободных президентских выборах. Само по себе это не решило никаких проблем: в первой половине 90-х Бразилия продолжала тонуть в массовой бедности, тотальной коррупции, инфляции, исчисляемой в сотни процентов в год.

Однако в 1994 г. министр финансов Кардозу представил «План Реал», который позволил быстро стабилизировать финансовоую ситуацию. Год спустя инфляция составила 25,9%, а в 1997 г. – 7,2%, отмечает Е. Берлин (2).

Став президентом в 1995 г., Ф. Кардозу сосредоточивается на двух вещах: приватизации и финансовой дисциплине. Полностью или частично были приватизированы Petrobras (сейчас является пятой в мире компанией по величине чистой прибыли), Telebras, продажа которой в свое время принесла бразильской казне рекордные 19 млрд. долл., Vale – ныне одна из крупнейших горнодобывающих компаний мира.

Впечатляющим примером является успех Embraer. Созданная в 1969 г. государственная компания в первой половине 90-х, как и вся страна, переживала кризис и была приватизирована в 1994 г. В 1996 г. компания продала всего четыре самолета, но уже в 2000-м – 160, а в прошлом году – 244, став третьим после Boeing и Airbus производителем авиатехники.

Целью бразильской приватизации было не создание класса частных собственников, а появление успешных современных предприятий. Вероятно, поэтому она и оказалась успешной, замечает автор.

В сфере финансовой политики государства Кардозу произвел настоящую революцию, обязав федеральное правительство и правительства штатов иметь бездефицитные бюджеты. Штаты и муниципалитеты теперь уже не могли с легкостью залезать в федеральную казну и должны были занимать средства на финансо-

вых рынках, соизмеряя, однако, долговое бремя со своими возможностями обслуживать заем.

Вершиной этих усилий стал закон о финансовой ответственности, согласно которому неэффективное расходование бюджетных средств преследовалось законом в уголовном порядке.

В свою очередь, президент да Силва, сменивший Кардоузу на этом посту, сделал решение социальных проблем и развитие внешней торговли приоритетными. Были принятые комплексные программы, направленные на повышение занятости, улучшение пенсионного обеспечения, более доступное образование и медицинское обслуживание.

Многие принятые меры выглядят наивно, однако они являются очень эффективными в условиях нынешней Бразилии. Например, детские пособия выдаются при условии, что дети каждый день бывают в школе и не пропускают прививки. Социальные программы не только прописаны на бумаге, но и выполняются, что удивительно для страны, где еще 15 лет назад госаппарат был озабочен лишь извлечением административной ренты.

В результате миллионы людей избавлены от каждодневного решения элементарных вопросов жизнеобеспечения и включены в рыночную экономику. За последние десять лет 50 млн. бразильцев (четверть населения) впервые открыли банковские счета.

Администрация да Силвы существенно облегчила выход на внешние рынки, упростив административное регулирование внешнеторговых операций, а также снизив налоговое бремя. Для экспортёров действуют специальные программы кредитования – в особенности для тех, кто производит высокотехнологичные и инновационные товары.

По данным Мирового банка, с 2000 г. объем экспорта продукции бразильского хайтека почти удвоился – с 6 млрд. долл. до 10,6 млрд. долл. в 2008 г.. Для сравнения: показатели России – 4,2 млрд. долл. в 2000 г. и 5,1 млрд. долл. – в 2008 г. (2).

В последнем списке 2000 крупнейших мировых компаний Forbes2000, опубликованном в апреле 2010 г., значатся 28 российских компаний и 31 бразильская. Российские компании представляют всего семь отраслей промышленности: больше всего из нефтегазовой отрасли и «matiriales», которая, по классификации Forbes, объединяет горнодобывающие и металлургические предприятия.

Бразильские корпорации представляют 17 отраслей, среди которых не только нефтегазовая и металлургическая, но также

аэрокосмическая отрасль, страхование, медиа, пищевая промышленность, отмечает Е. Берлин (2).

В статье годичной давности The Economist назвал Бразилию самым сильным звеном в BRIC, противопоставив ей Россию, которая не экспортирует ничего, кроме нефти и оружия.

Аргентина

Аргентинская модернизационная политика насчитывает уже около полутора столетий. За это время были перепробованы различные модели модернизации и накоплен разнообразный и противоречивый опыт проведения макроэкономических трансформаций различной направленности. Аргентина опередила в данном отношении большинство развивающихся стран. Поэтому изучение и осмысление аргентинского исторического опыта в деле модернизации представляет для нас интерес, считает П. Яковлев (22).

Модернизация по-аргентински на ее первом этапе создала тип экономики, который принято называть «Модель стимулируемого экспортом экономического роста» («The export led growth model»). Главными хозяйственными агентами были крупные землевладельцы и зарубежные компании, поставившие под свой контроль ключевые отрасли промышленности и внешнюю торговлю. Ни те, ни другие не были заинтересованы в углублении процесса индустриализации, поскольку он неизбежно вел к перераспределению ресурсов в пользу обрабатывающей промышленности.

В результате вплоть до середины 1940-х годов индустриализация не приобрела масштабного характера и не сопровождалась приоритетным развитием наукоемких и капиталоемких отраслей, как это происходило в США, Японии, государствах Западной Европы и в Советском Союзе. В Аргентине отсутствовало станкостроение, не были созданы автомобильная и авиационная отрасли, ставшие драйверами экономического роста в других странах. Местная промышленность ориентировалась на приоритетное удовлетворение потребительского спроса, а не на создание средств производства. В этом заключалась главная стратегическая слабость аргентинского модернизационного проекта и основная причина того, что на рубеже 1930-х годов он «выдохся» и уступил место хозяйственному застою.

В середине 40-х годов прошлого века, когда агроэкспортная модель исчерпала себя, правящие элиты во главе с национальным лидером Х.Д. Пероном принялись вырабатывать альтернативную

стратегию экономического развития и формировать новую социальную политику, направленную на модернизацию страны.

При Пероне модернизация затронула главным образом государственный сектор и тот сравнительно узкий круг частных предпринимателей, которые были тесно связаны с властью. Государство все активнее вмешивалось в экономику, включая вопросы регулирования, распределения и ценообразования, что вело к росту коррупции, нарастанию инфляции, возникновению черного рынка. Со временем модель теряла первоначальную динамику и привлекательность и вызывала отторжение у значительной части населения, что облегчало оппозиционным силам борьбу с перонистским режимом и в конечном счете привело к его свержению в 1955 г.

Дополнительный импульс модернизации в рамках импортозамещающей индустриализации был придан на рубеже 1950–1960-х годов правительством А. Фрондиси, которое реализовало целый ряд стратегически значимых индустриальных и инфраструктурных проектов, привлекло крупные зарубежные производственные капиталовложения.

Поступательное развитие этого процесса было нарушено прямым вмешательством армии в политическую жизнь. Страна вступила в затяжной период политической турбулентности и финансово-экономических потрясений. Приметами того времени были регулярные военные перевороты, политические репрессии, расцвет коррупции. Коррупция приобрела *институциональный характер*, т.е. стала системой взаимодействия бизнеса и граждан с государством. В результате аргентинское государство съедало само себя.

Сложившаяся в середине 1970-х годов и просуществовавшая до начала 1990-х годов экономическая система характеризовалась сохранением гипертрофированного государственного сектора и в целом автарического хозяйственного режима.

В условиях глобализации аргентинская экономика демонстрировала свою неэффективность, а страна, утратив модернизационный импульс, все больше отставала от передовых государств и перемещалась на обочину мировой экономической системы, отмечает П. Яковлев.

Попытка структурных реформ была предпринята в 1989–1999 гг. (при правительстве К. Менема) в рамках неолиберальной, третьей по счету модернаторской волны. Экономика оказалась в руках монетаристов, которые не встретили сколько-нибудь организованной и влиятельной оппозиции, что серьезно облегчило реализацию программы жестких рыночных реформ.

Правительство К. Менема провело форсированный демонтаж госсектора и открыло национальное хозяйство международной конкуренции, к которой местные предприниматели не были готовы. Реформы были направлены на снижение прямой социальной ответственности государства, что противоречило аргентинской традиции, сложившейся во времена первого правления перонистов и в основных чертах сохранившейся до начала 90-х годов прошлого века.

В 1990-х годах экономика страны в значительной степени формировалась и, более того, регулировалась за счет внешних финансовых потоков, включая большие объемы так называемых «горячих денег». При этом основной формой прямых иностранных инвестиций стали слияния и поглощения местных компаний. Нараставшая уязвимость экономики требовала целенаправленных мер по защите национальных интересов, но правящие круги продолжали увеличивать внешнюю задолженность.

Обобщая аргентинский опыт, П. Яковлев отмечает, что ни один из трех проектов модернизации не отвечал в полной мере стратегическим интересам нации, хотя каждый содержал конструктивные элементы. Этапы (волны) модернизации сменялись периодами застоя и стагнации, что стало одной из главных причин технико-технологического и хозяйственного отставания от индустриально развитых государств (22).

Нынешний этап модернизации носит синтетический характер – включает в себя отдельные элементы, присущие прежним проектам и отражает специфику современной парадигмы модернизации национальных экономических структур.

Аргентинские власти, декларативно отрицая неолиберальную модель, де-факто воспользовались ее плодами. Они опирались на весь предшествующий опыт и извлекли уроки из периода рыночных реформ и кризиса 2001–2002 гг. Это позволило стране добиться высоких темпов роста ВВП, сократить долговую нагрузку на экономику, обеспечить резкое увеличение экспорта и активное внешнеторговое сальдо, нарастить валютные резервы, сдержать спираль инфляции.

В современной аргентинской стратегии модернизации просматриваются две цементирующие идеи: *повышение роли государства и диверсификация экономики*. Она предполагает надстраивание над сложившейся (в данном случае диверсификация не означает отказа от сельскохозяйственной) специализацией расширяющегося сегмента производства нетрадиционных товаров и услуг, включая изделия глубокой переработки и научноемкую продукцию.

Ощутимые успехи были достигнуты в таких областях, как биотехнологии, программное обеспечение, нанотехнологии, производство возобновляемых источников энергии. В частности, страна стала пятым в мире производителем биотоплива и крупнейшим его экспортером. Впервые в истории Аргентина вышла на мировые рынки с товарами горнодобывающей промышленности: медь, золото, серебро, литий. Крупнейшие международные майнинговые компании реализуют (или готовы реализовать) порядка 400 инвестиционных проектов, что превращает страну в значимого экспортёра ряда востребованных видов горнорудной продукции (22).

В целом страна выбирает «экономику знаний», но при этом не отказывается от опоры на традиционные отрасли хозяйства, которые адаптируются к требованиям сегодняшнего дня и наполняются достижениями «новой экономики».

Показателем успешности новой модернизационной модели стала антикризисная политика Буэнос-Айреса в ответ на глобальные финансово-экономические потрясения 2008–2009 гг., включавшая в себя ряд антикризисных мер:

- наращивание объема государственных инвестиций и увеличение государственного потребления, чтобы компенсировать провалы рынка;
- накачка ликвидности и помощь банковской системе, в частности, путем увеличения кредитов Центробанка и понижения ставки рефинансирования;
- предоставление государством «мягких» кредитов малому и среднему бизнесу;
- формирование линии субсидируемого государством ипотечного кредитования;
- расширение потребительского кредитования;
- принятие мер по стимулированию экспорта, в частности, некоторое снижение экспортных налогов;
- усиление контроля над импортом ряда «чувствительных» товаров массового спроса с целью защиты интересов местных производителей;
- повышение уровня средней заработной платы и минимальной пенсии (на март 2010 г. эти показатели составили, соответственно, 800 и 245 долл.).

Несмотря на резкое ухудшение внешней конъюнктуры, аргентинская экономика в целом выдержала удары кризиса. ВВП и промышленное производство даже немного выросли, что отличало

Аргентину от большинства развитых стран, продемонстрировавших падение.

Как показывает аргентинский опыт, модернизация – сложный и длительный процесс, занимающий десятилетия. Аргентина в настоящее время находится в начале пути. Определены основные цели и контуры модернизации, формируются ее главные условия и механизмы, образуется критическая масса агентов инновационного развития. Страна выходит на старт очередного модернизационного рывка, заключает П. Яковлев (22).

Список литературы

1. Башкатова А. Модернизация России – головная боль Евросоюза. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-06-04/1_modernize.html
2. Берлин Е. Модернизация по-бразильски. – Режим доступа: http://expert.ru/2010/10/07/moderniz_po_brazil/?esr=17
3. Власова О. Кризис помог России задуматься о модернизации // Эксперт Online. – № 6(47) 09.20.10. – Режим доступа. – http://www.expert.ru/2010/09/20/krizis_pomog/
4. Гришанков Д., Волков С., Самиев П. Кто оплатит модернизацию? // Эксперт. – № 39(723), 04.10.2010. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/39/kto_oplatit_modernizaciyu/
5. Дайджест: Эксперты и политологи о модернизации. – Режим доступа: <http://www.politonline.ru/politika/1718.html>
6. Делягин М. Китайский путь для России – «неосталинизм» // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1261775040>
7. Игонина Л.Л. Формирование финансового механизма модернизации российской экономики // Фундаментальные исследования. – М., 2007. – № 9 – С. 116–123.
8. Лебедев В. Деньги есть, ума не хватает // Эксперт. – № 38(722), 27.09.10. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/38/dengi_est_uma_ne_hvataet
9. Модернизация в предлагаемых обстоятельствах // Эксперт. – № 1(687) 28.12.09. – Режим доступа: http://www.expert.ru/2009/12/28/modernizaciya_v_predlagayushchih_obstoyatelstvah
10. Модернизация экономики требует пересмотра механизмов госфинансирования. АЛЬЯНС МЕДИА. – Режим доступа: <http://allmedia.ru/newsitem.asp?id=879733>
11. Оганесян Т. Не такое уж страшное Сколково // Эксперт. – № 50(734), 21.12. – Режим доступа: <http://www.expert.ru/expert/2010/50/ne-takoe-uzh-strashnoe-skolkovo/>
12. Pap A. «Россия все больше и больше понимает – ей придется ориентироваться на Запад». – Режим доступа:<http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/Aleksandr-Rar-Rossiya-vse-bol-she-i-bol-she-ponimaet-ej-pridetsya-orientirovat-sya-na-Zapad>

13. Романовский Р. Самиев П. Дайте свободу лизингу // Эксперт. – № 39(723), 04.10.10. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/39/svobodu_lizingu/
14. Российское общество не готово к задуманным Кремлем преобразованиям // «Око планеты». – Режим доступа:<http://oko-planet.su/politik/politikrus/49499-vragi-modernizacii.html>
15. Стратегическое партнерство плюс инновации. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2010-09-24/3_kartblansh.html
16. Сухарев О.С. Модернизация экономики России: реальные проектировки или умозрительное словоблудие? // Капитал страны: Издание об инвестиционных возможностях страны. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/176234>
17. Сухарев О.С. Экономическая наука, кризис и развитие России – II. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/174206>
18. Шохина Е. От слов к делу // Эксперт Online. – № 40(724), 08.10.10. – Режим доступа: http://expert.ru/2010/10/8/slovo_delo/
19. Экономическая наука, кризис и развитие России – I. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/174183>
20. Эксперты: Модернизация экономики по зарубежному образцу в России невозможна. – Режим доступа: [http://blog.soaringhawk.name/eksperty-modernizaciya-ekonomiki-po-zarubezhnomu-obrazcu-v-rossii-nevozmozhna.html\(2\)](http://blog.soaringhawk.name/eksperty-modernizaciya-ekonomiki-po-zarubezhnomu-obrazcu-v-rossii-nevozmozhna.html(2))
21. Юргенс И. Модернизация всей экономики разом невозможна // Управление персоналом. – 28.10.2009. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/pressissue.html?21490>
22. Яковлев П. Пути модернизации: аргентинский опыт. – Режим доступа: http://www.perspektivny.info/oykumena/ekdom/puti_modernizacii_argentinskij_opyt_2010-02-24.htm
23. Bancroft-Hinchey T. Russia's Economic Recovery Priorities Focus on Modernization and Innovation // Pravda. – 20.04.2010. – Mode of access: <http://www.themarketoracle.biz/Article18813.html>
24. Bonze E. Russia Opens: Politics and Economics – Policy of Liberalizing // Handelsblatt – 31.05.2010. – Mode of access: http://www.handelsblatt.com/media/suche/_p=212,query=erich%2520bonze%252031.05.10
25. Inozemtsev V. European Standard for Russia's Modernization // The Moscow Times. – 07.09.10. – Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/european-standard-for-russias-modernization/414949.html>